

С.С. Русаков

ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСУБЪЕКТИВАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ М. ФУКО

Сергей Сергеевич Русаков – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат политических наук, г. Гатчина; e-mail: rusakovsergey456@gmail.com.

Статья посвящена проблеме исследования влияния государства как главного института власти на социальную субъективацию и десубъективацию с позиции теоретических и методологических взглядов М. Фуко. Особое внимание уделяется таким концептам, как управленчество (фр. «gouvernementalité»), биополитика, государственный интерес, человек рациональный (лат. homo oeconomicus) и неолиберальная модель государства. Автор выделяет четыре модели неолиберального государства – французскую, английскую, американскую и немецкую – каждая из которых предполагает различный объем полномочий у правительства и разные механизмы десубъективации социальных агентов. Каждая из этих моделей использует не только «старые» технологии власти, такие как сила, закон, полиция, армия и дисциплина, но и прибегает к наиболее совершенной и мягкой форме управления – биовласти.

Ключевые слова: историко-правовые взгляды; Мишель Фуко; управление; государство; субъективация; десубъективация; неолиберализм.

S.S. Rusakov

THE STATE AND THE PROBLEM OF SOCIAL DESUBJECTIVATION: M. FOUCAULT'S HISTORICAL AND LEGAL VIEWPOINTS

Sergey Rusakov – Senior Lecturer, the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Politician Sciences, Gatchina; e-mail: rusakovsergey456@gmail.com.

This article is dedicated to the problem of studying the influence of the state as the main institute of power on a social subjectivation and desubjectification from the standpoint of M. Foucault's theoretical and methodological views. Particular attention is paid to such concepts as governance (fr. "gouvernementalité"), biopolitics, public interest, human rational (lat. homo oeconomicus) and the neoliberal model of the state. The author identifies four models of a neoliberal state – the French, English, American and German – wherein each one implies different levels of authority of the government and various mechanisms for desubjectivation of social agents. Each of these models not only implements the "outdated" power technologies, such as force, law, police, army and discipline, but also resorts to more advanced and gentle form of governance – biopower.

Keywords: Michel Foucault; governance; state; subjectivation; desubjectivation; neoliberalism.

Мишель Фуко раскрывал проблему власти с середины 70-х гг. XX в. Началом анализа власти и, в частности, роли государства в конструировании разного рода властных отношений можно считать работу «Надзирать и наказывать» (1975). Однако более полный анализ становления государства как института, осуществляющего разные формы управления, можно обнаружить в курсах лекций, прочитанных в Коллеж де Франс.

Вместе с тем проблема субъективации стала интересовать его ближе к 1980-м гг. и понималась как процесс складывания автономного самосознания. Следовательно, десубъективация является реверсивным процессом, обозначающим совокупность различных процедур по ликвидации автономии индивидуального сознания путем его подмены коллективным или податливым сознанием. Несмотря на то, что термин «десубъективация» не встречается в трудах французского философа, его работы на рубеже 70–80-х гг. XX в. посвящены тому, как любой социальный агент, будь то индивид или социальная группа, становится десубъективированным, то есть лишенным автономности и самостоятельного внедрения в социальное тело.

В работе «Нужно защищать общество» он говорит о том, что в истории европейской мысли всегда присутствовало два направления развития мысли о власти: юридический и экономический дискурс. Юридическая власть предполагала способность индивидов с помощью юридических актов об отчуждении или передачи власти сформулировать идею суверенитета. Экономическая функциональность власти, имеющая как либеральную, так и марксистскую вариации, связана с тем, что властные отношения являются опорой для производственных отношений и (или) механизмом господства одного класса над другими [4, с. 34–37].

Европейское национальное государство появилось как результат объединения юридической и экономической схем управления обществом. Тем не менее государственная власть преобразилась, вобрала в себя и другие механизмы управле-

ния обществом – военный (силовой), репрессивный (контролирующий) и дисциплинарный (нормирующий) механизмы власти.

Экономическая и юридическая власть остаются фундаментальными характеристиками государства, реализуясь через финансовую и налоговую политику, осуществляя легитимацию правящих групп соответственно. Дисциплинарная власть, однако, стала главным изобретением буржуазной эпохи, воплощаясь в разветвленной сети множества институтов дисциплинарного принуждения. Дисциплина производит знание о норме поведения, изучая человека в клиниках, тюрьмах, армии, университетах, рабочих коллективах, иных учреждениях и институтах. В тех областях, где экономическая и юридическая власть бессильны, дисциплинарная власть не подавляет, но изучает и «дрессирует» участников любого социального процесса [10].

Если же говорить о современных тенденциях, то, как пишет М. Фуко, дисциплинарная власть, концентрирующаяся вокруг дисциплинизации «тела» человека, его нормирования и классификации, дополняется новым типом биовласти, концентрирующейся на регуляции жизненных процессов внутри общества: рождении, воспроизводстве, болезни, продолжительности жизни, миграции, смерти и т.п. [4, с. 256]. Биополитика, зародившаяся в XVIII в. и постепенно набирающая обороты, сделала ставку на управление человеком как биологическим видом, живущим в качестве основного ресурса капиталистической системы: ресурса производящего и ресурса потребляющего. В связи с этим многие социальные завоевания современных капиталистических государств, такие как страхования, банковские накопления, социальное обеспечение, пенсии и льготы, государственное медицинское обслуживание, улучшение городской жизни и гигиены и т.п., стали результатом понимания того, что социальное управление обществом можно построить не на основе подавления масс человеческих ресурсов, а на основе регуля-

ции среды и контроля аномалий вокруг общества (населения) как биологической массы.

В качестве яркого примера биологизированной техники управления можно рассмотреть один из любимых примеров М. Фуко – вакцинацию. Вспоминая о борьбе с оспой в XVIII в., он указывает на важнейшие черты вакцинации как техники управления человеком – биологическим видом. Во-первых, она превентивна, то есть нацелена на контроль эпидемиологической ситуации до ее появления. Во-вторых, она дает высокий результат, покрывая большую часть населения медицинскими мероприятиями. В-третьих, она позволяет эмпирически подтверждать или опровергать необходимость самой вакцины, пути ее совершенствования и рентабельность [3, с. 92]. В данном случае управление человеческими массами как видом предполагает не плотный контроль над каждым потенциально опасным с точки зрения заражения индивидом, а управление и манипуляцию средой, в которой разворачивается социальная жизнь в целом.

Все эти механизмы управления обществом встроены в то, что принято называть либерализмом. Либеральная доктрина управления позволяет людям и их привычному образу жизни развиваться, развертываться и изменяться в связи со своими внутренними закономерностями функционирования. Свобода становится не ключевой ценностью демократического общества, а самым важным механизмом капиталистической формы экономики. Свобода как наивысшая ценность либеральной идеологии в действительности становится главнейшим принципом всех технологий управления [11, р. 100–102].

Современный либерализм преобразует государственный интерес и государство как главный регулятор социальных отношений. Среди самых важных модификаций управленчества (фр. *gouvernementalité*) можно указать следующие [3, с. 450–458]:

1. Гражданское общество, появившееся в эпоху Просвещения и развивавшееся в ходе европейских преобразований поли-

тических систем, является не противовеком или оппонентом государства, а главной целью его деятельности. Совокупность всех элементов гражданского общества представляет собой основную сферу государственного интереса, чья жизнедеятельность должна обеспечивать всеми накопленными механизмами управления – законом, экономикой, дисциплиной и биополитикой.

2. Знание и власть, действуя сообща, концентрируются в руках государства. Этот главный политический институт использует только научное знание для осуществления управления, а не интерес отдельных правителей или властвующих групп.

3. Проблема населения становится главной точкой приложения сил государственного управления. Либеральное государство, в отличие от государства феодального типа, не стремится к сокращению населения и покорению физического тела каждого подданного, а нацелено на увеличение богатства, обеспечение безопасности и установление моральной целостности.

4. Государство должно заниматься регуляцией социальной жизни, но без радикальных вмешательств и с учетом того, что искусное управление заключается в соблюдении всех или некоторых видов свобод с установлением лишь отдельных границ, нарушение которых должно тем или иным образом караться.

5. Государство и те, кто его представляет, становятся владельцами определенной истины о людях, населении и о территории, на которой они проживают. Они способны формировать единый дискурс обо всех, кто находится в лоне государства, закрепляя совокупность этих истин в понятии «нация». Нация – главный локус контроля для любых действий, осуществляемых государством во благо общества.

В курсе лекций «Рождение биополитики» М. Фуко анализирует основные нелиберальные проекты, разрабатываемые в Германии, Франции и США в XIX–XX вв. в рамках указанных выше принципов современного управления. В выведенных в этом периоде творчества Фуко форму-

лах уже не наблюдается высокого значения концепции власти-знания и не делается ставка на концепцию дисциплинарной власти. Неолиберальный курс развития государства, в частности его социально-экономическая политика, является самым эффективным способом регуляции социальной среды, а либерализм становится искусством умеренности правления.

На чем держатся идеи (нео)либерального государства? Во-первых, она предполагает свободный, но юридически защищенный рынок. Во-вторых, рассматривает проблему ограничения государственной власти. Почему эти два положения настолько значимы в генеалогии государственного управления? Потому что государство представляется важным лишь как один из многих институтов управленчества (фр. *gouvernementalité*), и его разрастающаяся власть, особенно в контексте тоталитарных и авторитарных тенденций, необходимо ограничить.

Тем не менее само по себе ограничение не даст нужных результатов, поскольку это будет приводить к постоянной борьбе государства с «ветряными мельницами» ограничивающего его гражданского общества. Необходимо было сформировать принципы государственного управления внутри либерального государства, вследствие которых последнее занималось бы самоограничением своей управленческой функции. Среди наиболее успешных моделей-долгожителей таких принципов самоограничения Фуко выделяет две: французский юридический радикализм и английский утилитаризм. Этот ряд можно продолжить, дополнив американский индивидуализм и немецкий интервенционализм [3, с. 58–61; 278–284].

Французская модель ограничения, в основе которой лежит юридический радикализм, базируется на идее жесткого закрепления естественных прав каждого индивида, группирования неотъемлемых и временно отчуждаемых прав среди них и последующего установления условий, при которых правительство может лишать членов общества прав, вошедших во вторую группу. Иными словами, управление в такой модели базируется на установле-

нии границ компетенций правительства в любых вопросах, при нарушении которых оно вызывает сомнение, как в своей компетентности, так и в своем суверенитете. Десубъективация в этой модели становится статичной и однозначно закрепляет возможность субъективации за рядом социальных агентов. В то время как некоторые индивиды или социальные группы будут лишены такого статуса. Ярким примером десубъективации на базе французской модели стала депортация цыган из Франции в 2010 г.

Английская модель ограничения государственной власти базируется на правительственной практике. Утилитаризм предполагает разделение всех сфер государственного управления на полезные и бесполезные, где в первом случае правительство может иметь неограниченные полномочия, а во втором – правительству не позволено вторгаться в жизнь граждан. Единственным условием любого преобразования управленческой деятельности – юридической, экономической или дисциплинарной – является то, что оно должно строго отвечать требованию полезности для общего дела государства и правительства, а также вписываться в доктрину государственного интереса. Таким образом, любой социальный агент будет десубъективирован, если не будет приносить пользу государству и обществу. Так, в Великобритании до 1965 г. существовал закон «Об иммигрантах», который «запрещал прямую расовую дискриминацию, но только в местах общественного отдыха, например, в пивных и отелях», то есть он формально распространялся на утилитарные функции негров [6]. Написанная в 2008 г. Декларация принципов равенства открыто не называет дискриминацией притеснения по политическим убеждениям, родословной, языку, состоянию здоровья, экономическому положению и т.д. [6].

Американская модель ограничения регулирования социальными процессами заточена под необходимость развития «человеческого капитала». С XX века в США начинается более продвинутая эра анализа общественных благ, среди кото-

рых фактор труда выходит вперед, преодолевая концентрацию на вопросах земли и капитала. Работы Т. Шульца, Г. Беккера и Д. Минсер в 60–70-е гг. убедительно показывают, что абстрагирование труда необходимо преодолеть, а целью либерального государства сделать анализ внутренней рациональности индивида, его поведения и деятельности. В итоге эта модель предполагает, что государственный интерес, выраженный в правительственной деятельности, должен быть нацелен на развитие потенциала каждого человека как *homo oeconomicus*, а государственный аппарат ограничивает себя в сферах, которые это развитие в большей мере стимулирует. Иными словами, государство вовлечено в социальное управление только в сферах, в которых развитие человеческого капитала не стимулируется. Отчасти это совпадает с современным положением, поскольку США и сегодня традиционно является лидером по инвестициям в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и здравоохранение (то есть стимулирует, а не вмешивается в эти сферы субъективации), но оставляет за собой надзорные и административные полномочия через ФБР, ЦРУ и т.п.

Идея немецкого интервенционализма государства в экономику становится фундаментом неолиберального представления о государственном управлении в послевоенной Германии. Правительство должно вмешиваться в экономику как в главную среду существования человека как вида, но не путем прямого управления экономическим процессом, а с помощью законодательного оформления экономики. Необходимо регулировать не механизмы рыночной экономики, а основные условия работы рынка, которые, например, в докладе В. Эйкена, названы как «политика основ», а у Ф. Бёма – политикой «допустимых вмешательств». Эта политика включает в себя влияние на миграцию и переселение, чтобы разгрузить или наполнять человеческими ресурсами определенные сектора экономики; внедрение новых технологий и техники, позволяющие рынку самотрансформироваться;

корректирование законов, напрямую не касающихся рынка, но обеспечивающих его рост; изменение таких макрофакторов, как климат, инфраструктура, образование и т.д. Если во времена М. Фуко это был исключительно немецкий путь развития, то в настоящее время по такому пути развития идут почти все страны Европейского союза (ЕС), к примеру, законодательно принуждая к экологичному или здоровому образу жизни.

Все перечисленные модели самоограничений государства как института социального регулирования служат яркими примерами преобразований всех технологий власти и демонстрируют то, как биополитика стала вторгаться во все общественные процессы. Сегодня эти модели актуальны (с небольшими поправками), и многие злободневные проблемы XXI в. вполне вписываются в перечисленные объяснительные схемы. Так, на Западе активно обсуждают вопросы, связанные с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, которые переплетаются с множеством новых механизмов социальной регуляции (например, с запретами на передвижение, миграцию), посещением мест досуга или, напротив, с техниками медицинского осмотра, признания инфицированным, квалификацией прививок и т.д. [7].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что М. Фуко понимает государственный интерес как рациональность экономического процветания, физической безопасности и моральной сохранности населения, которая регулирует поведение индивидов и социальных групп, приводя и властвующих, и подвластных к общей выгоде. Не менее интересным видится у него понимание государства. Он определяет его как процесс непрерываемой этатизации, которая изменяет, сокращает или перемещает источники финансирования, способы инвестирования, формы контроля и возможности принятия решений, распространяющихся на всех социальных агентов [5, с. 103].

Государственный интерес в работах М. Фуко очевиден. В своих курсах лекций, прочитанных в Коллеж де Франс с

1975 по 1980 гг., он преподносит государственный интерес как исторически развивающуюся трансцендентную идею всеобщего блага. В этом аспекте технологии управления являются вторичным понятием, описывающим совокупность всех возможных средств достижения такого блага, а государство и вовсе становится лишь одним из данных инструментов [1, с. 264–265].

В этом контексте интересны размышления М. Фуко о том, что если армия, налоги и юстиция как институты социального регулирования существовали уже давно, то государство как элемент осмысленной практики социальной жизни появляется в промежутке с 1580 по 1650 гг. [3, с. 324]. Только в этот период государство начинает становление как институт управления и социальной регуляции в ряду устоявшихся техник управленчества (фр. *gouvernementalité*).

Государственный интерес развивался отдельно от других институциональных практик управления обществом и позднее остальных сформировался как понятие. Первоначально государственный интерес (фр. *raison d'état*) понимался как совершенство, благополучие или счастье государства. При этом с XVII в. государства появляются, опираясь не на закон легитимности, как прежние монархии, а на закон необходимости. Необходимость заключалась в учете разнообразия социального мира и объединении многочисленных институтов общественной регуляции под одной общей схемой понимания реальности. Иными словами, государство – это определенный способ мыслить то, что уже имелось в обществе в виде институтов в преломлении общего интереса. К институтам, требующим объединения под одним каркасом, относились король, судебная система, налоговые сборы, наука и система образования, территория и границы, армия и т.д.

Кроме того, правительство отдельного государства может действовать и вразрез с государственным интересом процветания и безопасности населения. В таком случае задачу реализации государственного интереса берут на себя различные

группы контрвласти: например, интеллектуалы, аристократия, предприниматели, врачи или ученые, духовенство, различные сообщества и т.д. Даже идея легитимности государственного переворота при неисполнении монархом вверенных ему суверенных полномочий рассматривалась некоторыми мыслителями Нового времени и Просвещения как адекватная мера, призванная защитить государственный интерес и сменить формулу управления обществом [8].

Таким образом, в своем анализе технологий управления современными обществами М. Фуко предлагает концепцию биовласти. Хотя четкой концептуализации этого понятия обнаружить не представляется возможным, он понимает ее как совокупность различных социально-экономических и политико-правовых мер, которые применяются по отношению к обществу со стороны неолиберального государства для достижения общего блага [9]. Идея общего блага выдерживается им, безусловно, не в платоновском стиле, а в четком понимании государственного интереса. С социологической точки зрения М. Фуко в некоторой степени продолжает номиналистическую линию рассуждений Э. Дюркгейма, подчеркивая и модернизируя идею о том, что дисциплина выполняет позитивную функцию, конструируя общественный порядок и создавая условия для развития общества [2, с. 172].

Неолиберальная модель государства, предлагаемая М. Фуко, рассматривает все процессы социального управления в контексте государственной и правительственной регуляции социально-экономической среды. Государство использует не только «старые» технологии власти (силу, закон, полицию, армию и дисциплину), но и прибегает к наиболее совершенной и мягкой форме управления – биовласти. Управляя обществом как «массой живых существ» или как «биологическим видом», государственная регуляция социально-управленческой сферой становится дегуманизирующей и десубъективирующей практикой воплощения в реальность государственного интереса и его абстрактного общего блага как наиболее уни-

версальной и выгодной для всех формулой социального мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дин М.* Правительность: власть и правление в современных обществах / пер. с англ. А. Писарева. М.: Дело, 2016. 592 с.

2. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021. 456 с.

3. *Фуко М.* Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

4. *Фуко М.* Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.

5. *Фуко М.* Рождение биополитики: курс лекций, прочитанный в Коллеж де

Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

6. *Хеннл Б.* Новый единый закон Великобритании «О равенстве» // *The Equal Rights Review*. 2008–2011. № 1–7. P. 132–149.

7. *Lorenzini D.* Biopolitics in the Time of Coronavirus // *Critical Inquiry*. 2020. Vol. 47. № 2. P. 40–45.

8. *Moss J.* The Later Foucault: Politics and Philosophy. SAGE, 1998. 224 p.

9. *Ojakangas M.* Impossible Dialogue on Bio-power: Agamben and Foucault // *Foucault Studies*. 2005. № 2. P. 5–28.

10. *Ryder A.* Foucault and Althusser: Epistemological Differences with Political Effects // *Foucault Studies*. 2013. № 16. P. 134–153.

11. *Zamora D., Behrent M.C.* Foucault and Neoliberalism. Cambridge: Polity Press, 2016. 152 p.